

О терминах *kilinče* и *nisvanis* в монгольском и ойратском переводах «Царя благих пожеланий»

Mongolian and Oirat Translations of *The King of Aspiration Prayers*: the Buddhist Terms *Kilinče* and *Nisvanis* Revisited

С. В. Мурзаева (S. Mirzaeva)¹

¹ младший научный сотрудник, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: kundgabo@list.ru

Junior Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: kundgabo@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются буддийские термины *kilinče* и *nisvanis* на материале монгольского и ойратского переводов сочинения «Царь благих пожеланий», одного из популярных буддийских текстов девиционального жанра. Автор описывает историю возникновения и формирования данных терминов в монгольском классическом и ойратском литературном языках.

Ключевые слова: переводная буддийская литература, «Царь благих пожеланий», Тибет, монгольский письменный язык, «ясное письмо», буддийская терминология.

Abstract. Proceeding from the analysis of Mongolian and Oirat translations of *The King of Aspiration Prayers* (a popular Buddhist text of the devotional genre), the article examines the two Buddhist terms — *kilinče* and *nisvanis* and describes the history of the emergence and formation of these terms in Classical Mongolian and literary Oirat.

Keywords: translated Buddhist literature, *The King of Aspiration Prayers*, Tibet, Classical Mongolian, Clear Script, Buddhist terms.

Изучение буддийской терминологии в монгольских языках представляет большой интерес, поскольку в ее формировании нашли отражение различные письменные традиции, оказывавшие влияние на культуру монгольских народов. Вместе с письменностью монголы позаимствовали у уйгуров, наиболее ранние переводные памятники которых относятся к VI–VII вв. [Бартаханова 1999: 15], сложившуюся буддийскую терминологию. Многие ученые (Б. Я. Владимирцов [2005], Ю. Н. Перих [2017], М. Шогайто [Shogaito 1991]) пишут о заимствованиях из санскрита, согдийского и тохарского языков, которые попали в монгольский посредством уйгурского. Когда

среди монгольских народов стал укреплять свои позиции тибетский буддизм и в XVII–XVIII вв. развернулась деятельность по переводу с тибетского канонических сборников Кагьюра и Тенгьюра¹, как пишет Б. Я. Владимирцов, «у них появились буддийские термины, заимствованные из этого нового источника (тибетского языка. — С. М.), иногда даже параллельные старым, уйгурского происхождения» [Владимирцов 2005: 39–40].

В данной статье мы попытаемся описать использование буддийских терминов *kilinče* ‘неблагое деяние, проступок’ и *nisvanis* ‘аффект, омрачение’ в письменных памятниках монгольского и ойратского письма на материале переводов сутры «Царь благих пожеланий». Мы рассматриваем данные термины, поскольку имеем целью желание опровергнуть встречающееся в монголоведной литературе суждение о том, что монг., ойр. *kilinče* происходит от санскр. *kleśa* [Сүхбаатар 1997: 197], устойчивым переводом которого в монгольских языках является слово согдийского происхождения *nisvanis*.

«Царь благих пожеланий» (санскр. *Ārya bhadrā caryā praṇidhāna rāja*; тиб. *'Phags pa bzang po spyod pa 'i smon lam gyi rgyal po*; монг. *Qutuγ-tu sayin yabudal-un irüger-iin qayan*; ойр. *Xutuqtu sayin yabudaliyin iröliyin xān*, букв. ‘Благородный царь устремлений о благом пути’) — сочинение жанра *пранидхан*, или устремлений, который очень популярен в литературе махаянского буддизма. Как правило, *пранидханы* — это написанные с использованием разных стихотворных размеров поэтические произведения, восхваляющие в качестве наивысшего образ действий определенного бодхисаттвы. Данный текст, посвященный бодхисаттве Самантабхадре, был очень популярен в Китае, Тибете, Хотане, Монголии и других странах, в которых развивалось учение Махаяны. Создание санскритской оригинальной версии ученые относят к IV–V в. н. э., однако в тибетском Тенгьюре сохранился комментарий Нагарджуны (II–III вв. н. э.) на данный текст, что позволяет предположить, что он был составлен не позже III вв. н. э. В тибетской и монгольской литературе «Царь благих пожеланий» встречается как самостоятельный текст, а также как заключительная часть «Гандавьюха-сутры» в разделе сутр

¹ Монголизованный произношение — Ганджур и Данджур.

«Махавайпуля-Будда-аватамсака-сутра» (санскр. *Mahavaipulya-buddhāvataṃsaka-sūtra*; тиб. *Sangs rgyas phal po che'i mdo*; монг. *Olangki burqan neretü yeke delgerenggüi sudur*).

«Царь благих пожеланий» был переведен на тибетский язык в числе первых буддийских текстов в VIII–IX в. н. э. известными переводчиками Джинамитрой, Сурендрабодхи и Еше Де и отредактирован Вайрочаной (тиб. *Rgya gar gi mkhan po Dzi na Mi tra dang / Sure ndra Bo dhi dang / lo tsā ba bande Ye shes sde la sogs pas bsgyur cing lo chen Bai ro tsā nas zhus chen mdzad do*), как указано в колофоне одной из тибетских версий памятника. Пандиты Джинамитра, Сурендрабодхи и Еше Де работали над переводом священных текстов с санскрита на тибетский язык в период правления царя Трисонг Дэцэна (тиб. *Khri srong lde btsan*) (755–797), однако в некоторых источниках их деятельность относят ко времени правления царя Тицугдэцэн Ралпачена (тиб. *Khri gtsug lde btsan ral pa can*) (815–841).

Первые монгольские переводы «Царя благих пожеланий», ксилографические фрагменты которых сохранились в Турфанской коллекции под № 5, 33 [Tumurtogoo 2006], датируются XIV в. Факт его издания ксилографическим способом в период Юаньской империи свидетельствует о его важности как канонического текста в ранний период распространения буддизма среди монголов.

Для анализа нами привлекаются монгольский текст «*Qutuqtu sayin yabudal-un iḡüger-ün qaγan*» из факсимильного издания ксилографического Ганджура и ойратский перевод «*Xutuqtu sayin yabudaliyin iḡöliyin xān oḡōšiboī*». Изучение монгольского текста позволяет сделать предварительные выводы о том, что в нем представлен язык рубежа XVI–XVII вв., поскольку в нем нашли отражение некоторые изложенные в лексикографическом словаре «Источник мудрецов» (XVIII в.) принципы перевода с тибетского на монгольский, вероятно, формировавшиеся в данный период, но в то же время сохранились многочисленные заимствования из уйгурского, которые, согласно «Источнику мудрецов», стоило заменять санскритскими оригиналами или кальками с тибетского. В ойратском же тексте представлен классический монгольский язык XVIII в., в котором отчетливо прослеживается влияние тибетского языка и наблюдается меньшее количество уйгуризмов.

Вначале рассмотрим термин *kilinče* ‘неблагое деяние’ (санскр. *pāpa*; тиб. *sdig pa*; монг. *nigül kilinče*; ойр. *kilinče*). В терминологическом словаре А. Берзина дается следующее толкование данного термина: «The type of karmic force associated with a destructive action and which ripens intermittently into unhappiness and the suffering of problems and pain. Also called: „negative karmic potential“. Some translators render it as „sin“» (букв. ‘Связанная с разрушительными действиями разновидность кармических сил, результатом которой является несчастливое состояние ума и страдания из-за различных проблем и боли. Также называется „негативным кармическим потенциалом“). Некоторые переводчики используют термин „грех“») [Glossary of Buddhist terms 2017].

Данный термин действительно является заимствованием, но не из санскрита, как пишет О. Сухбаатар (ХИЛИНЦ уй. *qilinč*, (*qilinč–qilinča–qilinč* < сам. *kleśa*), мо. б. *kilinče*; Гэм, нүгэл, буруу муу үйл (букв. ‘неблагой, неправильный поступок, грех’); хорш. *нүгэл хилэнц* ‘грех’ [Сүхбаатар 1997: 197]), а из уйгурского. Б. Я. Владимирцов пишет о том, что монг. *kilinče* происходит от уйг. *qilinč* ‘деяние’ (у С. Е. Малова — написание *qylynč* [Малов 1951: 416]). В «Древнетюркском словаре» даются следующие значения: «*qilinč* 1. действие, дело; 2. поступок, деяние; 3. характер, нрав, манеры; 4. причуды, прихоти; 5. *пел.* действие, акт (санскр. *karman*), содеянное, поступки (санскр. *samskāra*); 6. *пел.* бытие, жизнь (санскр. *bhava*)» [ДТС 1969: 443]. Как мы видим из словарной статьи, у слова *qilinč* нет отрицательной коннотации неблагого деяния, что подтверждают и данные глоссария С. Е. Малова. В словарных статьях к словам *qylynč*, *qylynčly* приводятся примеры: *ajyу qylynč* ‘дурные поступки’, *ädgü qylynčly kimi* ‘ладья с добрыми делами’ [Малов 1951: 416]. Японский исследователь К. Кудара в своей статье приводит в качестве образца традиции поэтического перевода в уйгурской буддийской литературе фрагмент версифицированного перевода вышеупомянутой «Аватамсака-сутры», который, по всей вероятности, представляет собой уйгурский перевод рассматриваемого текста «Царя благих пожеланий». В этом фрагменте встречается выражение *alqu qilinč*, которое автор переводит как *all karma* ‘все деяния’ [Kudara 2002: 192].

То, что уйгурское слово *qilinč* не является заимствованной искаженной формой санскритского *kleśa*, а принадлежит к базовой лексике уйгурского языка, также подтверждают данные «Древнетюркского словаря» и глоссария С. Е. Малова: корень *qil-* ‘1. делать, изготавливать, создавать, сооружать; 2. делать, действовать, поступать каким-либо образом; 3. делать каким-либо, превращать в кого-либо, что-либо’ является достаточно продуктивным, от которого образуются различные глагольные (*qilil-* ‘страд. от *qil-*’, *qilin-* ‘возвр. от *qil-*’, *qiliš-* ‘совм. от *qil-*’, *qiltur-* (*qildur-*) ‘страд. от *qil-*’) и именные формы (*qiliy* (*qiliq*) ‘нрав, характер, поступок, поведение’, *qilq* ‘поведение, манеры, характер, поступок’, *qilinč* ‘действие, дело’, *qiliqliy* ‘обладающий каким-либо поведением, характером’, *qilmaq* ‘исполнение, производство, совершение, действие’) [ДТС 1969: 442–444].

В доклассическом монгольском языке, как и в уйгурском, у термина *qilinč* также не было значения ‘неблагое деяние’, чему можно найти подтверждение в памятниках монгольского письма XIV–XVI вв. Например, в комментарии Чойджи-Одсэра к «Бодхичарья-аватаре» встречается фраза *јауауан-и qilinč-un kücün-iyer* ‘в силу совершенных деяний (кармы)’ [Tumurtoogo 2006: 55], в которой слово *qilinč* имеет значение ‘деяние’, как и в уйгурском поэтическом переводе «Аватамсака-сутры», приведенном в статье К. Кудара [2002]. Отдельно стоит упомянуть о произошедшем в классическом монгольском языке переходе *qi* → *ki*, о котором пишет Б. Я. Владимирцов: «В других случаях можно наблюдать процесс постепенного изменения иноязычного слова путем приспособления его к фонетической системе воспринявшей монгольской среды. При этом можно наблюдать, как по графическим основаниям слово из ряда гуттурального переходит в ряд палатальный. Напр. уйг. *qilinč* ‘деяние’ > стар. монг.-письм.¹ *qilinč* > нов. монг.-письм. *kilinča*; затем *kilinča* стали читать как *kilinče*, ойр.-письм. *kilinče*, халх. *хилунц* ‘грех, греховное деяние’. В данном случае после того, как стали писать *k* вместо *χ* < *q* перед *i* < *ï*, все слово перешло в сознании монголов в передний ряд, тем более, что этимологическая связь его с таким, например, словом, как *kilbar* || халх. *хялбар* ‘легкий, дешевый’ была утрачена и не могла поддержать принадлежности к гуттуральному ряду» [Владимирцов 2005: 541–542].

¹ В используемой нами терминологии доклассический монгольский.

В рассматриваемом в данной статье монгольском переводе «Царя благих пожеланий» составление мы относим к рубежу XVI–XVII вв., встречается парное слово *nigül kilinče*, в котором первый компонент *nigül* имеет значение ‘проступок’, а *kilinče*, как мы считаем, обладает нейтральным значением ‘деяние, действие’. В ойратском же переводе парному слову соответствует *kilinče*:

Тибетский	Монгольский	Ойратский
<i>sdig pa bdag gis bgyis</i>	<i>ab ali minü üyiledügsen</i>	<i>mini ali üyiledügsen</i>
<i>pa ci mchis pa</i>	<i>nigül kilinče</i> :	<i>kilinče</i> :
<i>sdig pa gang rnams</i>	<i>ali tedeger nigül</i>	<i>aliba tüyidker</i>
<i>sgrib par gyur pa</i>	<i>kilinče</i> <i>tüyidügči</i>	<i>boluqsan kilinče</i> :
<i>dag</i>	<i>boluqsan</i> :	
<i>mtshams med lnga</i>	<i>tabun jabsar ügei nigül</i>	<i>tabun zabsar ügei</i>
<i>bo dag gi sdig pa</i>	<i>kilinče-nügüd-i</i> :	<i>kilinče-noyoudi</i> :
<i>rnams</i>		

В вышеупомянутом комментарии Чойджи-Одсэра XIV в. встречается фраза *nigül arilyaqu* ‘очиститься от [совершенных] проступков’ [Тумуртоого 2006: 53–54]. Таким образом, можно предположить, что в доклассическом монгольском в значении ‘проступок’ использовались термины *nigül* и позже *nigül kilinče*. Использование парного слова, вероятно, явилось переходным этапом в истории формирования данного термина в монгольских языках, поскольку, как видно из приведенных примеров, в доклассическом монгольском компонент *kilinče* имел нейтральное значение, а уже потом в классическом монгольском и ойратском языках за ним закрепилась отрицательная коннотация: слова *nigül* и *kilinče* стали синонимичными и могли заменять друг друга. Н. С. Яхонтова, рассматривая лексику ойратского литературного языка, пишет о том, что в некоторых случаях одно и то же понятие в монгольских и ойратских текстах обозначалось разными словами, например, ойр. *kilinče* во многих текстах соответствует монг. *nigül* [Яхонтова 1996: 33]. Таким образом, в классическом монгольском языке и «ясном письме» термин *kilinče* приобрел значение ‘неблагое деяние, проступок’. В словаре О. Ковалевского слово *kilinče* зафиксировано в значении

‘грех, прегрешение, проступок’ [МРФС 1846: 2529]. В современных монгольском и калмыцком языках слово *хилэнц / килнц* также имеет значение ‘грех, греховное деяние, прегрешение’ [БАРМС 2002: 78; КРС 1977: 300].

Далее рассмотрим термин *nisvanis* ‘*клеша*, омрачение’ (санскр. *kleśa*; тиб. *nyon mongs*; монг., ойр. *nisvanis*). А. Берзин приводит следующее толкование: «A subsidiary awareness (mental factor) that, when it arises, causes oneself to lose peace of mind and incapacitates oneself so that one loses self-control. An indication that one is experiencing a disturbing emotion or attitude is that it makes oneself and / or others feel uncomfortable. Some translators render this term as „afflictive emotions“ or „emotional afflictions“» (букв. ‘Дополнительный вид осознания (ментальный фактор), который, возникнув, приводит человека к потере душевного спокойствия и самообладания. Знаком того, что человек испытывает тревожащие эмоции, является чувство дискомфорта, испытываемое им самим или окружающими людьми. Некоторые переводчики переводят этот термин как „тревожащие эмоции“ или „эмоциональные омрачения“») [Glossary of Buddhist Terms 2017].

Исследователи согласны в том, что слово *nisvanis* является заимствованием из согдийского языка, попавшим в монгольский посредством уйгурского. О значительной роли согдийского языка в формировании буддийской терминологии в монгольском языке пишет Б. Я. Владимирцов в статье «Об отношении монгольского языка к индоевропейским языкам Средней Азии» [Владимирцов 2005: 105–137]. В рассматриваемых текстах встречаются следующие примеры с термином *nisvanis*:

Тибетский	Монгольский	Ойратский
<p><i>las dang nyon mongs</i> <i>bdud kyi las rnam</i> <i>las</i></p> <p><i>nyon mongs stobs</i> <i>rnam kun tu 'joms</i> <i>par byed</i></p>	<p><i>ḡayayan-u nisvanis kiged</i> <i>ṡimnu-yin üiles-</i> <i>nügüd-eče :</i></p> <p><i>nisvanis-un küčün-</i> <i>nügüd-i uyuyata</i> <i>daruyad :</i></p>	<p><i>zayān nisvanis</i> <i>kigēd ṡimnuṡi-</i> <i>yin üyile-</i> <i>noḡoud-ēče :</i></p> <p><i>nivāniṡiyin</i> <i>küčün-noḡoudi</i> <i>bükündü darun :</i></p>

В «Согдийско-персидско-английском словаре» приводятся следующие лексемы, от которых могли произойти монг., ойр. *nisvanis*: *nyzβ'ny(y)* 'passion', *nyzβ'n'k* 'passion, anger' [Sogdian dictionary 1995: 255]. Согдийская лексема является дословным переводом санскритского *kleśa* 'defilement, affliction, troublesomeness' (букв. 'омрачение, скверна, беспокойство'). Уйгурские формы *nizvani* / *nizbani* 'страсть, сильное чувство', как указывается в «Древнетюркском словаре», являются заимствованиями из согдийского [ДТС 1969: 359]. О. Сухбаатар пишет в «Словаре монгольских заимствованных слов», что монг. *нисванис* (*нисваанис*) 'хорт муу явдал, гаслан зовлонгийн уг шалтгаан, орчлонгийн үйл үрийн хүлээс' (букв. 'оскверненное, основная причина страдания, оковы причинно-следственной связи') является заимствованием из согдийского, но согдийскую форму он возводит к санскритским *nisañja–nisvana–nisvāna* [Сухбаатар 1997: 147–148]. О. Ковалевский также указывает в качестве возможных санскритских оригиналов монгольского *nisvanis* слова *klecha* ('rain, affliction, distress' (букв. 'боль, омрачение, беспокойство')) и *nisvana* / *nisvāna* ('sound, silence' (букв. 'звук, тишина')) и дает следующие значения: '1. привязанность к миру, суета мирская, беспокойствие, тревога; 2. природное зло, порок, страсти, грех' [МРФС 1849: 653]. Мы считаем, что согдийская лексема *nyzβ'ny* не является заимствованием из санскрита, поскольку указанные О. Сухбаатаром и О. Ковалевским санскритские формы имеют другие значения. «Санскритско-английский словарь» Моньер-Вильямса дает следующие значения слова *nisvana*: '1. noise ('шум'); 2. voice ('голос'); 3. sound ('звук')' [Sanskrit online dictionary]; лексемы *nisañja* и *nisvāna* в словаре не найдены. В современном монгольском языке данный термин имеет следующие значения: «НИСВААНИС (НЯСВААНЯС) 'шаши. 1) привязанность к миру, мирская суета, страсти, беспокойство; 2) порок, грех'» [БАМРС 2001: 445].

В статье мы попытались описать функционирование двух буддийских терминов *kilinče* 'неблагой поступок' и *nisvanis* 'клеша, омрачение, аффект' в монгольском и ойратском языках. В классической буддийской философии они тесно связаны: именно три основные клеши (*nisvanis*) — алчность, ненависть и неведение — являются причиной совершения неблагих поступков (*kilinče*) [Категории

буддийской культуры 2000: 142]. Однако данные словарной статьи к слову *нисваанис* в «Большом академическом монгольско-русском словаре» показывают, что в обыденном восприятии значения этих двух терминов зачастую смешиваются: в качестве второго значения *нисваанис* указано ‘порок, грех’ [БАМРС 2001: 445], являющееся основным значением термина *хилэнц*. Семантическая близость данных терминов, вероятно, дала повод некоторым исследователям считать, что монг. ойр. *kilinče* представляет собой искаженную форму санскритского *kleśa*, однако в данной статье мы постарались показать, что слово *kilinče*, приобретшее отрицательную коннотацию неблагого деяния лишь в классическом монгольском языке, является заимствованием из уйгурского языка.

Источники

Bstod smon phyogs bsgrigs. Mtsho sngon: Mi rigs dpe skrun khang, 1959. 355 p.

Sayin yabudaliyin iröüliyin xān. Фотокопия ойратской рукописи из коллекции Г. Ядамжава (сомон Манхан, Кобдоский аймак, Монголия).

Qutuytu sayin yabudal-un irüger-ün qaγan // Nomuγadqaqu-yin sitügen. Śata-piṭaka series. Indo-Asian literatures. 1979. Vol. 208. P. 499–508.

Литература

БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 2. Д–О. М.: Academia, 2001. 536 с.

БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 4. Х–Я. М.: Academia, 2002. 532 с.

Бартаханова М. А. Переводческая деятельность уйгуров в XII–XV вв. // Шестая буддологическая конференция: тезисы / сост. С. Э. Коротков, Е. А. Торчинов. СПб., 1999. С. 15–18.

Владимирцов Б. Я. Работы по монгольскому языкознанию. М.: Вост. лит., 2005. 952 с.

ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 676 с.

Категории буддийской культуры / сост.-ред. Е. П. Островская. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 320 с.

КРС — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 769 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности (тексты и исследования). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.

МРФС 1846 — Монгольско-русско-французский словарь / сост. О. Ковалевский. Т. 2. Казань: Универ. тип., 1846. 595–1545 с.

МРФС 1849 — Монгольско-русско-французский словарь / сост. О. Ковалевский. Т. 3. Казань: Универ. тип., 1849. 1546–2690 с.

Рерих Ю. Н. Тибетские заимствованные слова в монгольском языке [электронный ресурс] // URL: <http://altaica.ru/Articles/roerich.htm> (дата обращения: 15.08.2017).

Сүхбаатар О. Монгол хэлний харь үгийн толь / ред. Д. Төмөртогоо, Л. Хүрэлбаатар, Б. Амаржаргал. Улаанбаатар: Адмон хэвлэл, 1997. 233 х.

Яхонтова Н. С. Ойратский литературный язык XVII века. М.: Вост. лит., 1996. 152 с.

Glossary of Buddhist terms [электронный ресурс] // URL: <https://glossary.studybuddhism.com/> (дата обращения: 15.11.2017).

Kudara Kogi. The Buddhist culture of the Old Uigur peoples // Pacific World 3rd series 4. P. 183–195.

Sanskrit online dictionary [электронный ресурс] // URL: <http://spoken-sanskrit.org/index.php?direct=au&mode=9> (дата обращения: 15.11.2017).

Shogaito M. On Uighur elements in Buddhist Mongolian texts // The Memoirs of the Toyo Bunko. 1991. No. 49. P. 27–49.

Sogdian Dictionary (Sogdian – Persian – English) / by B. Gharib. Tehran: Farhangian Publ., 1995. 644 p.

Tumurtoого D. Mongolian monuments in Uighur-Mongolian script (XIII–XVI centuries). Introduction, transcription and bibliography. Taipei, Taiwan, 2006. xiv, 722 p.